

Когда Чжао Баи, глотая обиду, прибежал на плац, строй уже сформировали. Он прикинул свой рост и попытался вклиниться в шеренгу, но парни тактично, без лишнего шума вытеснили его обратно. Чжао Баи заметался, чувствуя себя как на иголках, но вернуться в строй никак не получалось. И как раз в тот момент, когда он уже готов был взвыть от досады, раздался знакомый голос — звучный, приятный, но леденящий душу:

— Чжао Баи! Опять ты! Какого черта ты там копаешься? Мало тебе наказания? Хочешь пробежаться еще раз на глазах у всего четвертого отделения?!

— До-докладываю, товарищ командир отделения! Нет, никак нет!

С кислой миной Чжао Баи замер у края строя, заискивающе поглядывая на сослуживцев. В ответ на него посыпались презрительные взгляды. Осознав наконец свое незавидное положение, он, тихонько ворча себе под нос, пристроился в самый хвост шеренги.

— Чжао Баи!

— Я!

Откликнулся он на автомате — выработанный за эти дни рефлекс сработал мгновенно, так что его выкрик слился с голосом Ван Ана.

Лицо Ван Ана потемнело. Он скрипнул зубами, едва сдерживая яростное желание сию же секунду приказать этому салаге проваливать с глаз долой.

— Если до тебя туго доходит или ты просто непроходимо глуп, я повторю еще раз! Четвертое отделение роты новобранцев, слушай мою команду! Направляющий — товарищ Сунь Вэй. По росту, слева направо, в две шеренги — становись! Равняйся!

Чжао Баи прекрасно понимал: накосячъ он еще раз — и простым выговором не отделается. Этот суровый командир с лицом грозовой тучи спустит с него три шкуры, а потом комиссует по состоянию здоровья и отправит восвояси. Чжао Баи уже во всех красках представлял, как разъяренный отец в наказание пустит на шашлык двух его любимых тибетских мастифов!

Решив идти ва-банк, Чжао Баи воспользовался своим преимуществом в росте и крепким телосложением. Напирая плечами, он бесцеремонно растолкал двоих сослуживцев примерно того же роста, ввинтился в строй и кое-как втиснулся между ними. Смахнув со лба холодный пот, он виновато и криво улыбнулся Ван Ану.

— Салага... — прошипел сквозь зубы Ван Ан.

Отводя взгляд от парня, он окинул строгим взором все четвертое отделение и скомандовал:

— Вольно!

Шорох и шарканье разномастных сапог заставили командира привычно нахмуриться.

— У вас уши на каком месте выросли?! — рявкнул он. — Зачем в армию пошли, если даже элементарную команду выполнить не можете?! Каждое движение должно быть четким! Кто еще хоть раз замешкается — сразу пятьсот отжиманий! Вопросы есть?!

— Так точно! — нестройно гаркнуло отделение.

Над Чжао Баи, обливавшимся холодным потом, словно поднимался легкий пар. Струна его нервов была натянута до предела — он смертельно боялся прослушать следующую команду. И надо же было ушам вырасти по бокам головы, а не спереди, чтобы ловить каждый звук! Не зря говорят: сначала видишь вспышку молнии, а уже потом слышишь раскат грома.

— Отделение! Смирно! Вольно!

На этот раз топот сапог прозвучал дружно и резко. Ван Ан оглядел напрягшихся новобранцев, и его ледяное выражение лица слегка смягчилось.

— С сегодняшнего дня вы зачислены в четвертое отделение роты новобранцев, — заговорил он ровным тоном. — И я требую от вас строжайшего соблюдения воинской дисциплины и устава! В шесть утра — подъем, до половины седьмого — умывание и завтрак, затем — построение на утреннюю физзарядку и занятия. В двенадцать часов — обед, до половины первого...

Измотанные долгой дорогой новобранцы еле держались на ногах от усталости. Солнце, висевшее над плацем, хоть и светило в морозный полдень, приятно припекало, усыпляя бдительность. Слова командира пролетали мимо их ушей. Но Чжао Баи превзошел всех. Отточенный еще за школьной партой навык спать с открытыми глазами пришелся как нельзя кстати. Он стоял, уставившись вперед ясным, сосредоточенным взглядом. Однако если бы кто-то присмотрелся внимательнее, то заметил бы, что его зрачки застыли и не двигались вовсе...

Закончив перечислять бесконечный свод армейских правил, Ван Ан окинул взглядом сонные и отрешенные физиономии подчиненных. Разозлившись, он внезапно рявкнул во всю глотку:

— Отделение! Смир-р-рно!

От ярости его голос на последнем слоге сорвался на хриплый фальцет.

Вздрыгнув, парни испуганно качнулись и мгновенно вытянулись в струнку. И в этот момент тишину плаца нарушил тяжелый глухой стук.

Все разом повернули головы на звук. На секунду воцарилось ошеломленное молчание, которое тут же сменилось безудержным, дружным гоготом.

Оказалось, что Чжао Баи, витавший в заоблачных далях, от неожиданного командирского рыка подскочил на месте и, не удержав равновесия, с размаху шмякнулся задом прямо на мерзлую землю. Вся его бывалая спесь и смазливая привлекательность испарились в одно мгновение.

Глядя на побелевшего от ужаса Чжао Баи, который сидел в грязи и с тоской взирал на него снизу вверх, Ван Ан затрясся от бешенства. Он честно пытался сдержать гнев. Сжимал кулаки, глубоко дышал, но терпению пришел конец. Очередной яростный рев потряс весь тренировочный плац:

— Чжао Баи! Быстро встал и пошел на круг! Еще одна тысяча метров, марш!

<http://bllate.org/book/18247/1749493>